

Алексей Гараджа

«Тимофей, или О демонах» Михаила Пселла
(перевод и комментарии)*

ALEXEI GARADJA

MICHAEL PSELLUS' *TIMOTHEUS, OR ON DEMONS* (A TRANSLATION AND NOTES)

АБСТРАКТ. The publication presents a commented Russian translation of the dialogue *Timotheus, or On demons* (Τιμόθεος ἢ περὶ δαιμόνων) from the 'Psellian corpus' – a collection of texts traditionally ascribed to Michael Psellus (1018 – ca. 1078). The dialogue is a part of a series of demonological essays within the corpus, some of which are currently attributed to the historical Psellus, others to anonymous disciples or adherents of this prominent representative of Byzantine proto-Humanism, collectively designated as 'Pseudo-Psellus'. Thanks to a partial translation of this text into Latin by Marsilio Ficino (1497), Psellus has gained repute among European Humanist scholars primarily as a proponent of Neoplatonic demonological tradition. The Latin title, *De operatione daemonum*, replicates an alternative Greek title Τὸ περὶ ἐνεργείας δαιμόνων, where by ἐνεργεία is implied not simply an operation, but exactly a kind of energy: the author of the work is paying much attention to powers of imagination, channeled by a 'phantasy pneuma', which is intrinsic to both human and demonic beings – to the latter, it allows, in particular, to fashion their bodies into different forms and shapes. Thus, the medieval Neoplatonism of (Pseudo-)Psellus is not only an elaboration of demonology as an essential, though often disregarded, part of Platonic philosophy, but also a link between theories of φαντασία developed in Antiquity (by Plato, Aristotle, Stoics and further by Neoplatonists, first of all Porphyry) and a conceptualization of imagination as a key component of rational subjectivity in Modern times (e.g., by Kant). The Russian translation is based on Paul Gautier's critical edition (1980).

KEYWORDS: Michael Psellus, Neoplatonism, demonology, imagination.

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 20.1 (2024) DOI: 10.25985/PI.20.1.15

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00971, <https://rscf.ru/project/23-18-00971/>.

Михаил Пселл (1018 – ок. 1078) получил известность среди европейских ученых-гуманистов прежде всего благодаря сочинению «О демонах», которое было частично переведено на латынь Марсилио Фичино (перевод впервые опубликован в Венеции в 1497 году) и соседствовало в собраниях трудов флорентийца с переводами из Ямвлиха, Прокла, Синезия и других неоплатоников¹. Однако Фичино располагал особой, краткой, версией озаглавленного примерно так же сочинения, так же приписываемого Пселлу, русский перевод которого здесь представлен². Первое издание пространной версии «О демонах» было подготовлено французским гуманистом Жильбером Гольменом (1585–1665), с подробными учеными комментариями и параллельным латинским переводом Пьера Мор³. Хотя сам издатель говорит о двух списках, надежно устанавливается только одна рукопись — *Parisinus gr.* 1997 (s. 16). Позднейшее издание французского же филолога-классика Жана-Франсуа Буассонада сейчас уже устарело: хотя и расширяя несколько рукописную базу текста (до четырех манускриптов), оно мало чем отличается от гольменовского *editio princeps*⁴.

Итак, представляемое здесь сочинение по своей форме — диалог (дань возрождаемой во времена Пселла платонической традиции), по содержанию — переплетение неоплатонической демонологии в духе Порфирия или Халкидия с ересиологическими трудами христианских писателей, как ранних, так и собственно византийских (сочинение направлено против средневековой версии манихейства — богомилства, обозначенного как ересь «евхитов» или «энтузиастов»). Именно это переплетение представляет первостепенный интерес для современного исследователя, которому требуется внимательно отследить источники автора диалога и объяснить расставляемые им акценты. Авторство «реального» Михаила Пселла отвергается выдающимся византологом Полем Готье, подготовившим первое по-настоящему критическое издание диалога и ря-

¹ Фрагмент этого текста с русским переводом и обсуждением неоплатонического контекста, авторства и источников «О демонах» см. Гурьянов 2017.

² Греческий текст этой оформленной как *трактат* короткой версии (скорее переложения, чем сокращения пространной версии, имеющей форму *диалога*) издан Жозефом Биде (*Bidez* 1828: 119–131) на основе *Laurentianus gr.* 87-20 (s. 14) — рукописи, с которой по-видимому и работал Марсилио Фичино.

³ Gaulmin 1615. Заголовок сочинения в латинском переводе — *Dialogus, de Daemonum energia seu operatione, Timothei, & Thracis, contra Manetem & Euchitas*.

⁴ Boissonade 1838: 1–36. Это издание воспроизводится в мневской «Патрологии» (PG 122: 817–876), и именно по нему выполнен мало известным австралийским исследователем английский перевод диалога (Collisson 1843).

да примыкающих к нему текстов (с привлечением большого числа систематически упорядоченных рукописей)⁵. Свое достаточно убедительно обоснованное суждение издатель пометил выбором одного из двух прослеживаемых в рукописях заглавий данного сочинения — «Тимофей, или О демонах» (Τιμόθεος ἢ περὶ δαιμόνων), в то время как от Гольмена и вплоть до наших дней оно было известно в основном как *De operatione daemonum* — латинский перевод греческого Τὸ περὶ ἐνεργείας δαιμόνων, где под ἐνεργεία, однако, подразумевалось не просто «действие» (*operatio*), но и собственно «энергия» — в первую очередь «фантазийная». Установление авторства, конечно, важно, но если воспользоваться понятием «Пселловского корпуса» (по аналогии с Платоновским и Аристотелевским корпусами, куда включают также *dubia* и *spuria*), этот вопрос отодвигается за задний план. «Подлинный» Михаил Пселл определенно был автором многочисленных мелких демонологических сочинений⁶.

В центре внимания автора диалога «Тимофей, или О демонах», самого пространный демонологический сочинения корпуса, — сила воображения, «фантазийная пневма», присущая как людям, так и демонам (последним она дает возможность придавать своим телам различные формы и обличья, «говорить на языках»). Таким образом, текст этот можно воспринимать не только как развитие демонологии — важнейшего раздела платонизма, которым часто пренебрегают, но и как связующее звено между теориями «фантазии» (*φαντασία*) в античности (Платон, Аристотель, стоики и далее неоплатоники, прежде всего Порфирий) и концептуализацией воображения как ключевого элемента разумной субъективности в Новое время (например, у Канта). И написан он человеком определенно хорошо образованным (философски и риторически), пусть даже не «настоящим» Михаилом Пселлом — полиматом, получившим прозвание «многоязыкого»⁷ и прославленным своим «неизменно блестящим стилем»⁸.

⁵ Gautier 1988 (по этому изданию выполнен настоящий перевод). Ср. также тематически близкое сочинение *Graecorum opiniones de daemonibus* (издание греческого текста с параллельным французским переводом — Gautier 1980, русский перевод — Гараджа 2024).

⁶ См. O'Meara 1989 (раздел *opuscula daemonologica*) и Duffy 1992 (*opuscula allegorica*). Сюда же можно подверстать серию риторических упражнений (προϋμνάσματα) Михаила Пселла, объединенных их издателем под рубрикой *lusus ingenii*: пять энкомиев, посвященных «ничтожнейшим» предметам — блохам, вшам, клопам, а также вину (Littlewood 1985).

⁷ Πολὺς τὴν γλῶτταν (Zonar. *Epit.* 18.7, 3.672.13 Büttner-Wobst).

⁸ Hunger 1978: 2.240.

Тимофей, или О демонах

Тимофей. Давно ли ты бывал в Византии, Фракиец?

Фракиец. Давно, о Тимофей, отсутствовал где-то два года с лишним.

Тимофей. Но где же именно — и что там за дела тебя так долго занимали?

Фракиец. Для полного ответа на вопрос твой ушло бы больше времени, чем мы располагаем: мне всё равно что повесть Алкиноеву пришлось бы заводить¹, если бы взялся я поведать обо всём, с чем довелось столкнуться, и сколько сложностей я претерпел среди нечестивцев. Их многие евхитами зовут, или энтузиастами². Тебе-то самому о них не приходилось что-то слышать?

Тимофей. Я знаю, что какие-то там богоборцы, люди изрядно не в себе, в нашу компанию святую затесались, если использовать язык комедий³. Что до учений их, однако, нравов и законов, их дел и слов, то мне пока еще ни от кого узнать не довелось чего-либо определенного, так что прошу тебя всё, что ты знаешь, изложить как можно внятней, если потрафить хочешь близкому знакомцу, добавлю даже — другу своему.

Фракиец. Оставь, друг Тимофей, ведь непременно я и сам приду в смятение от изложения чудовищных учений их и практик демонских, да и тебе от этого не будет никакого проку. Если, согласно Симониду, «слово есть отражение вещей»⁴, то о полез-

¹ Выражение ὁ Ἀλκίνοῦ ἀπόλογοϛ, которым обозначали в древности книги 9–12 «Одиссеи» (ср. Arist. Po. 1455a, Rh. 1417a), стало поговоркой, применявшейся к долгим речам и рассуждениям (ср. Pl. R. 614b).

² В переложении «О демонах» уточняется, что «в простонародье их же называют богомилами» (Bidez 1928: 126.22–23). У Георгия Кедрина список наименований данной ереси еще шире: мессалиане, евхиты, энтузиасты, лампетриане, богомилы (1.514.19–20 Bekker). Греч. εὐχίτος ‘молельщик’ — точный перевод сир. *ܡܫܠܝܢܐ* *mšallyānā*; *λαμπητιανοί* — по имени Лампетия, одного из первых мессалиан, осужденных, как известно, на соборе в Сиде (383) (см. Phot. *Bibl.* 52).

³ Κομψα (зд. «компания»), означает, собственно, «чеканку» (о монетах), в переносном смысле — определенный «склад»: например, у Аристофана персонаж характеризуется как человек «дурного пошиба» (τοῦ λοῦηροῦ κομψατοϛ, Pl. 862).

⁴ T 102 Poltera = 47a Campbell.

ном чем-либо и разговор будет полезным, а о противном этому — недобрым, и что за выгода тогда изображать словами этих проклятых?

Т и м о ф е й. Огромная, Фракиец: так, врачам, совсем не бесполезно знать, какие снадобья смертельны, чтобы не рисковать, случайно натолкнувшись на одно из них. Позволю себе даже утверждать, что среди них иные небесполезны для здоровья; вот так и нам одно из двух на выбор: либо извлечь из рассмотрения предмета что-то полезное для нас, либо вреда, какой отсюда может выйти, остережся.

Ф р а к и е ц. Ладно. Тогда услышишь, по словам поэта, всё «взаправду», а правда не всегда сладка⁵. И если непристойности какие в рассказе я упомяну, не обессудь — и не меня, рассказчика, вини, а тех, кто их действительно творит.

Это преступное учение берет от Манеса безумного начало: большая часть основоположений проистекают к ним отсюда, как из зловонного какого-то истока⁶. Проклятый Манес подо всё, что есть, подводит два первоначала, противопоставя Богу бога неупад, создателю всего благого — поставщика дурного, владыке доброду небесных сущностей — владыку зла, приставшего к земле. Но злополучные евхиты к тем двум добавили еще одно начало, третье: для них началами являются отец и двое сыновей, старший и младший. Отцу они определяют лишь сущее за гранью мира, из сыновей тому, что младше, — небеса, другому, старшему, — над этим миром власть, ни в чем не отставая, таким образом, от баснословий эллинских: «Натрое всё поделили»⁷.

Вот на какой гнилой основе эти гнилые люди строят, и в этом отношении друг с другом все единомысленны, но далее их мнения расходятся — по трем позициям. Одни благоговение питают к обоим сыновьям, поскольку, говорят, пускай они теперь в разла-

⁵ Возможно, имеется в виду строка из «Филоктета» Софокла: ὃ φίλατ' εἰπὼν, εἰ λέγεις ἐτήτυμα («о сладкие слова, если взаправду всё», *Ph.* 1290). Это уже третья отсылка к древним авторам в зачине диалога.

⁶ Имя пророка Мани, по-гречески Μάνης, естественно обыгрывалось как μα-νεῖς 'безумный, одержимый'. Слова о «зловонном истоке» перекликаются с характеристикой τῶν Πογομήλων Евфимием Периблептским (Ficker 1908: 89.3–4).

⁷ *Hom. Il.* 15.189.

де, всё-таки оба наравне достойны поклонения: они — от одного отца и примирятся в будущем. Другие почитают младшего как правящего лучшею и высшей долей, однако старшего хулой не покрывают, остерегаясь, что тот может навредить им. Но худшие из них в нечестии сыном небесным вообще пренебрегают, а drog им один Сатанаил, наземный сын. И превозносят его множеством имен хвалебных, и называют перворожденным того, кто чужд отцу, творцом растений и животных и остальных сложных созданий — того, кто разложение и смерть несет. Желая еще больше этого возвысить, они, увы, сына небесного по-всякому хулят и несуразно утверждают, что того гложет зависть к брату, который всё так хорошо устроил на земле, и, помраченный завистью такой, он насылает, мол, землетрясения, град и чуму. И потому, вдобавок к прочим хулам, губительной анафемой его пятнают.

Тимофей. Какие же, Фракиец, доводы подвигли их считать и называть Сатанаила сыном Бога, когда везде в божественных пророчествах речь о едином Сыне, а в непорочных благовествованиях к груди припавший Иисуса кричит о Бога-Слова «славе, как от Отца Единородного», и далее: «Единородный, сущий в недре Отчем»⁸. Откуда такой силы заблуждение явилось к ним?

Фракиец. Откуда же еще, о Тимофей, как не от самого отца лжи — именно того, кто мысли неразумных путает и так кичится этим? Того, кто говорит: «престол свой вознесу над облаками» и «сделаюсь Всевышнему подобен»⁹, — и потому отпал и тьмою стал, — того, кто, перед этими людьми являясь, им объявляет, что он — Бога первородный, он же — творец всего, что только существует на земле, что он руководит и правит всем, что существует в мире. Вот так, у каждого их глупость растравляя, он и дурачит бесполовых, которым нужно было бы, умом раскинув, понять, что тот бахвал и лжи зачинщик, и пустобреха на смех попросту поднять. Но это не про них: они ему на слово верят и позволяют себя за нос, словно скот, водить. А ведь совсем не трудно было бы

⁸ *Ин.* 1:14 и 18; ἑλιστηθίος 'наперник' — традиционное прозвание апостола Иоанна (ср. *Ин.* 13:25).

⁹ Ср. *Ис.* 14:13–14.

им уличить лжеца: спросили бы на деле доказать все громогласные слова — и оказался бы переодетый в шкуру льва осел кимейский, которого, когда пытается рычать, рев обличает¹⁰. Но эти будто бы ослепли и оглохли и здравого ума лишились совершенно, когда сродства всего, что есть, не замечают, откуда следует один только творец: они и этому сродству не могут внять, и доводом проникнуться разумным — таким, что, будь у сущего двое творцов отдельных, тогда бы не было единого порядка и единения, связующего всё. Даже ослы с волами, по пророку, знают, где их кормушка и кто господин¹¹, а эти своего прочь посылают господя и выбирают себе богом того, кого презренней нет среди созданий, и следуют за ним, ввергаясь, по пословице, как мотыльки, в огонь, что древле уготован и ему, и тем, кто с ним, отступникам¹².

Т и м о ф е й. Но что за выгода им отрекаться от божеского и родного благочестия и стройными рядами уходить к явной гибели?

Ф р а к и е ц. Не знаю, что за выгода: я полагаю, нету никакой. Пусть демоны и обещают золотые горы, и достояния, и славу хоть какую-то среди людей, из этого они дать ничего не могут, поскольку власти не имеют ни над чем. Но посвящаемым показывают разнообразные и странные видения, которые у этих Богом проклятых подносятся как боговдохновенные. Увы, увy, сколько всего позорного и гнусного и мерзкого приходится пройти при посвящении тем, кому хочется их зрителями стать! Всё, что у нас считается законным, — учение, преподносимое в словах, долг, исполняемый на деле, — они неистово опровергают — у них отмене подлежат даже природные законы. И, видно, изложить все их бесчинства на письме лишь Архилохову бесстыдному перу под силу¹³. Даже и тот, я полагаю, если бы здесь он оказался, поколе-

¹⁰ Пословица об осле (из эолийской Кимы) в львиной шкуре была известна еще Платону (ср. *Cra.* 411a).

¹¹ Ср. *Ис.* 1:3.

¹² Ср. *Мф.* 25:41: «в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его».

¹³ Архилох (ок. 680–645) как изобретатель язвительных ямбов еще со времен Пиндара считался эталоном «проклятого поэта» и «хейтера» (ср. *P.* 2.55: ψοῦερόν Ἀρχιλόχον βαρυλόγος ἔχθεσιν / πικρῶμενον). В Суде приводится пословица

бался бы упоминать об их презренных и преступных таинствах, каких и не бывало никогда ни в Греции, ни в землях варваров. Где и когда, на самом деле, было слыхано, на море ли, на суше, я не знаю, чтобы отвеживал вкус испражнений человек, животное честное и священное?¹⁴ Такое, думаю, не стерпят и бешеные звери. Ну а для бесноватых этих — такая вот затравка посвящения.

Тимофей. Какая же тому причина?

Фракиец. Незъяснимая, друг мой, — лишь посвященным, видимо, известна. На все мои расспросы не отвечали ничего другого, как то, что демоны для тех, кто испражнения вкушает, становятся друзьями закадычными. И кажется мне, что по этой части они не лгут, хотя во всем другом ни слова истины от них нельзя добиться. Ведь для мятежных духов ничего нет слаще, как чтобы человек — которому завидуют, который удостоен быть божественным подобием — до посрамления такого докатился.

Вот до чего доходит безрассудство их, и это общее у них не только для старейшин секты (кого апостолами, имя это унижая, нарекают), но также для евхитов и для гностиков¹⁵. А что до тайных жертвоприношений их, о Слово, отвращающее зло, какими их словами описать? Мне стыдно — право, я стыжусь — рассказывать об этом — лучше было бы мне прикусить язык; но раз ты, Тимофей, заранее меня к тому принудил, я сдержанно об этом буду говорить, стараясь обходить срамные вещи, чтобы не показаться выступающим на сцене, спектакль какой-то представляющим.

Итак, под вечер, около зажжения светильников, в то время, когда мы Спасителя справляем страсти, в какое-то условленное место они сгоняют девушек, которые проходят обучение¹⁶. Затем га-

«заткнул за пояс Архилоха» (Ἀρχιλοχὸν πατεῖς, α 412) — так говорили об отличившихся в злословии и поношениях.

¹⁴ Ср. Synes. Ep. 41.103 Garzya: τίμιον ζῆλον ὁ ἄνθρωπος.

¹⁵ Во всех рукописях γνωστοίς, исправляемое издателями на γνωστικοίς. Collison 1843: 24 считает нужным оставить «гностов» (Gnosti, or Litterati) как имя одного из разрядов последователей секты под общим названием «евхиты», наряду с «евхитами», то есть «молельщиками», в узком смысле и «апостолами» — это обозначение главарей богомилов упоминает и Анна Комнина (см. 15.8–9).

¹⁶ Едва ли под ἐνασκούμεναι κόραι (букв. «упражняющиеся девы», ср. ἄσκησις

сят огни, чтобы и свет не стал свидетелем бесчинств, что там творятся, хватают девушек, какая попадет, и их насилюют, пусть даже с собственной сестрою, а то и дочерью, случится им столкнуться. Им кажется, что демонам доставит удовольствие, если они запрет нарушат установлений божеских на связи между кровными родными. Закончив дело, все расходятся пока. Но девять месяцев спустя, когда приходит срок преступному потомству от семени преступного родиться, они вновь собираются на прежнем месте. А вслед за родами на третий день от матерей младенцев злополучных отрывают и тельца им терзают, по кругу бритвою вода, и кровь, текущую из ран, в фиалы собирают. А после их в огонь бросают, еще живых, и сожигают. Затем замешивают пепел их в фиалах этих с кровью и составляют омерзительную смесь, которой оскверняют втайне свои еду с питьем, как те, кто медовуху ядом приправляет, и поглощают это сами, но также те, кому их тайна не открыта¹⁷.

Т и м о ф е й. И что же означает в их глазах столь отвратительная скверна?

Ф р а к и е ц. Они убеждены, мой милый друг, что так возможно вытравить и вывести божественные символы в душе¹⁸. Покуда остаются они в душах, они — как знамя царское на доме, и племя демонов боится приступить и держится поодаль. И чтобы демоны могли спокойно в душах их расположиться, они и выгоняют, недоумки, божественные символы таким вот непотребством — и чего ради, что взамен? Причем не только для себя им хочется оставить этот ужас, но и других всегда готовы за собой увлечь всё в ту же яму, поэтому и совращают среди праведных самых

‘упражнение, аскеза’) имеются в виду монахини; скорее, здесь подразумевается предстоящее посвящение — «тренинг» — собранных кандидатов.

¹⁷ Похожим образом «повечерия» манихеев-борборитов описывает Михаил Сириец (9.30.1); ср. также сообщения о борборитах у Епифания Кипрского (*Haer.* 1.2.26.4; пер. см. Гараджа 2020: 319–320).

¹⁸ «Божественные символы» (θεῖα σύμβολα) — неоплатонический термин, встречающийся, в частности, у Прокла (*In Ti.* 1.4.32–33, 211.1–2 Diehl), в «Халдейских оракулах» («Отечский Ум символы рассеял по миру, кто умопостигаемое мыслит, и называются — красоты несказанные», fr. 108 Des Places), в «Схолиях к Синезию» Никифора Григоры (PG 149.619b).

негодных, их потчуют диковинной едой — а тем и невдомек, что это: такие вот Танталы снедь Пелопову на пир готовят¹⁹.

Тимофей. Да ну, Фракиец, ведь когда-то, было дело, мне то же самое предсказывал дед по отцу!²⁰ Как-то однажды, приуныв, я начал сетовать на то, в какой упадок всё хорошее пришло, особенно науки, и задал деду своему вопрос: возможно ли, что снова всё пойдет на лад? А тот, уже старик глубокий и много что в грядущем метко распознать способный, мне волосы тихонько потрепал и, глубоко вздохнув, ответил: «Мой мальчик дорогой, дитя, ты правда веришь, что ученость или какая-то иная добродетель может в дальнейшем пережить расцвет? Настал такой момент, что дальше люди хуже животных диких будут жить, ведь власть владыки мира уже близко, при дверях²¹; пришествие его должны предвестники дурные предвирать, учений странных и преступных практик тьма, под стать тому, что совершалось в мистериях дионисийских, или на сцену выводилось у эллинов в трагедиях: Кронос, Фиест, Тантал, которые детей своих приносят в жертву, Эдип, совокупляющийся с матерью, Кинир же — с дочерью своей. Все эти мерзости уже и в наше общество проникли. Раскрой глаза, мой мальчик, и остерегись: знай и как следует усвой, что соблазниться этим не только бескультурный и неотесанный народ готов, но также многие из образованных слоев». Вот что он, кажется, тогда мне напроорочил; слова его я вспоминаю по сю пору, вот почему и удивился так, когда ты сам заговорил об этом.

Фракиец. Но ты и должен удивляться, Тимофей. Ведь вот, много чего рассказывают странного о племенах гипербореев, и о краях близ Ливии и Сирта, но никогда в этих рассказах не услышишь об извращениях такого рода — даже о кельтах и британском племени, при всех их беззаконии и дикости.

Тимофей. Действительно ужасно, друг Фракиец, что такая мерзость пустила корни в нашей родной земле. Впрочем,

¹⁹ Тантал, желая испытать всеведение богов, накормил их на пиру мясом собственного сына Пелопа, им же убитого и приготовленного (см. Рі. О. 1).

²⁰ В «Энкомии матери» (4b Crisculo) Михаил Пселл замечает, что отец его «возводил свой род к ипамам и патрикиям, но у самого него дела шли неважно».

²¹ Мк. 13:29.

и «пусть их погибают»²², пускай злодеев их обыкновения и вовсе сгубят злою смертью. Меня-то вот уже давно ряд затруднений, с демонами связанных, волнует, и в частности такой вопрос: они действительно являются этим несчастным?

Фракиец. Ну разумеется, мой милый, всё их усердие направлено на это: их сходки, жертвоприношения, обряды, и всё, что только есть постыдного, позорного, — всё это совершается у них во имя этой цели, а именно такого их явления.

Тимофей. Но как же, раз у них нет тел, увидеть их телесными очами?

Фракиец. Этот род демонов, мой несравненный, отнюдь не бестелесен: они при теле и вокруг тел пребывают. Ведь это можно и у наших, местных святых отцов узнать, если не поленишься вникнуть в их творения, — даже о том, какие им самим телесные явления бывали²³. Василий, прозванный Великим, толкуя на Исаию, в разделе «возрыдайте, изваяния», пишет, что «к идолам невидимые демоны слетаются, садятся там и наслаждаются приятностью миазмов: как псы прожорливые вьются возле лавок мясников, где есть и кровь, и ихор, так же и демоны голодные, подстерегая случай, чтобы насладиться кровью и туком жертв, хотят при жертвенниках быть и при кумирах, им поставленных. А может, их тела питаются отсюда — воздушные ли, огненные, или состоящие из смеси этих двух стихий». Опять-таки, божественный Василий, эпопт незримого, от наших глаз сокрытого, настаивает, что не только демонам, но даже чистым ангелам тела присущи, из духа тонкого, воздушные и чистые, свидетелем своим словам беря Давида, славнейшего среди пророков: «Своими ангелами духов сотворяющий, служителями — огонь пылающий»²⁴. И это

²² Нот. II. 2.346.

²³ Далее в рукописях интерполяция из (сомнительного) «Толкования на пророка Исаию» Василия Кесарийского (10.237 Trevisan), которую Готье выносит в аппарат; для полноты картины оставляем ее в тексте вслед за Гольменом и Буассонадом (вплоть до второй ссылки на «божественного» Василия).

²⁴ Ср. Пс. 103:4. Имеется в виду следующее место из сочинения Василия «О Святом Духе» (16.38): «в небесных Силах сущность их составляет воздушный, если можно так сказать, дух или невестественный огонь... почему они ограниче-

всё — необходимость: как раскрывает боговдохновенный Павел, духам-служителям, на службу отряжаемым²⁵, необходимо было обладать каким-то телом, чтобы и двигаться, и на ногах держаться, и обнаруживать себя, поскольку всё это не может совершаться иначе, как через посредство некоего тела.

Тимофей. Но почему тогда в стольких местах Писания как бестелесных прославляют их?

Фракиец. Да потому, что авторы, и наши, и язычники, телесными привычны называть более плотные тела, а тонкое, всё то, что ускользает от глаз и осязания, считается и называется у наших, как и у многих чуждых, бестелесным.

Тимофей. И что же, разве тело, ангелам присущее, — такое же, как и у демонов?

Фракиец. Ничуть, и разница огромна. Ведь ангельское тело испускает лучи неведомой природы, так что для глаз телесных оно и нестерпимо, и невыносимо; а было ли когда-то и демонское тело таковым, не знаю. Наверное, коль скоро называет падшего денницею Исаия²⁶. Но ныне оно, так сказать, померкло, потускнело, сбросив сопутствовавший свет, и неприятно в этой наготе на вид. А тело ангельское совершенно нематериально, так что проникнуть может, проскользнуть сквозь твердые тела любые, и не меняется при этом вовсе, почище солнечных лучей. Ведь эти, проходя и сквозь прозрачные тела, задерживаются чем-то земляным и темным, и даже могут преломляться, поскольку в них самих имеется-таки материя; а то сопротивления такого не встречает,

ны местом и бывают видимы, являясь святым в образе собственных своих тел» (пер. под ред. П.К. Доброцветова). Термин «эпопт», примененный автором к Василию, заимствован из языка теургии; в своем комментарии на «Халдейские оракулы» Пселл пишет: «Узрение (αὐτοψία) имеет место, когда посвящаемый сам видит божественные светы. Если же он не увидел ничего, а тот, кто руководит посвящением, своими глазами узревает явление, это называется созерцанием (ἐλοπτεία) применительно к посвящаемому» (Des Places 1971: 174). См. также Alieva 2020 об «эпоптии» у Василия Кесарийского.

²⁵ Ср. Евр. 1:14.

²⁶ Ср. Ис. 14:12: «Как упал ты с неба, денница, сын зари (הַיְלֵל בֶּן-שָׁחַר)!» Евр. הַיְלֵל в Септуагинте и Вульгате передается, соответственно, как ἑωσφόρος и *lucifer*, со смещением акцента с «зари» на «утреннюю звезду», Венеру.

поскольку нет в нем вовсе ничего, что составляло бы препятствие чему-то, и ничего, что было бы сродни чему-либо еще. Тела же демонов, пускай вследствие тонкости и делают невидимыми их, всё же с какой-то стороны материальны и подвергаются воздействию, страдают, особенно у тех, кто обитает где-то в местах подземных. У этих склад такой, что падают на месте, стоит коснуться их, и мучатся от боли, если их ударить, а если поднести огонь к ним, пламенем горят, и от иных лишь горстка пепла остается: такое, как передают, в Италии, у тусков приключалось²⁷.

Т и м о ф е й. Однако я, Фракиец, как гласит пословица, составюсь, вечно узнавая новое, как вот сейчас, что демоны бывают, которые телесны и страдательны²⁸.

Ф р а к и е ц. Неудивительно, мой друг: мы люди и, как говорится, о многом можем и не знать. И очень хорошо, когда и в старости у нас на что-либо еще ума хватает. Но знай, что я не просто разглагольствую об этом и заморочить голову тебе хочу, беря пример с критян и финикиян: нет, я Спасителя словами убежден, который говорит, что демоны будут наказаны огнем²⁹. А как они могли бы кару претерпеть, если бы были бестелесны? Ведь то, что бестелесно, неспособно испытывать что-либо в теле. И стало быть, необходимо, чтоб наказание свое они переносили в телах, способных пострадать. Я много что еще наслушался от тех, кто сам в узрение их погружался; я лично ничего подобного не видел никогда, и лучше бы мне зрелища такого избежать и отвратительных тех демонов не видеть. Как-то случилось мне на Херсонесе, что пограничен Греции, сойтись с одним монахом: по

²⁷ Последнее предложение близко к тексту перекликается с пассажем из Прокла (*In Ti.* 2.11.10–17 Diehl), где философ, споря с Порфириевым делением демонов на огненных и земных, приводит в пример этих этрусских демонов, связанных с обеими стихиями.

²⁸ Пословица восходит к Солону (fr. 22 Diehl), у которого, впрочем, речь об узнавании *многого*; в любом случае русское соответствие — «век живи — век учись». О термине «страдательный» (греч. ἐμπαθής, лат. *patibilis*) в демонологии см. Гараджа 2023: 116, п. 6; у нашего автора страдание-претерпевание или попросту страсть (πάθος) определенно связывается со страданием-мукой (δόνη).

²⁹ Ср. *Мф.* 25:41.

имени он назывался Марк и выводил свой род из Междуречья³⁰. Хотя и был он прежде, как никто другой, и посвященным, и эпиптом явлений демонских, они ему приелись под конец, от них отрекся и презрел их он как вздор обманчивый; и вот, спев палинодию свою, он приобщился истинных учений, наших, в которых был усердно мною наставляем. Он-то и рассказал мне и открыл много о демонах такого, что ни в какие рамки не идет.

Однажды на вопрос мой, есть ли демоны, которые подвержены страстям, он мне ответил: «Ну конечно: иные даже семя производят, и в семени том черви зарождаются»³¹.

«Но это же невероятно, — возразил я, — чтобы у демонов, как у животных, были выделения и семя порождающие части!»³²

«Таких частей нет, — отвечал он, — но выделение от них какое-никакое есть — ты уж поверь мне, раз я говорю».

«Значит, — сказал я, — и питаются они, боюсь, по-нашему».

«Питаются они, — ответил Марк, — одни через вдыхание, как дух в артериях и жилах³³, другие влагою, хотя не через рот, как

³⁰ Как замечает Готье *ad loc.*, «Херсонес, что пограничен (ἄμωρος) Греции», — это, скорее, Халкидика, а не древний Херсонес Фракийский на Геллеспонте, современный полуостров Галлиполи. На полях одной из рукописей примечание: «Этот Марк, из Фив, сначала был учителем богомилов, но позже стал православным; с ним и встретился Фракиец, посланный к богомилам, и от него узнал то, что рассказывает». Пытаясь доказать историчность информатора Фракийца, Angold 1995: 498 отмечает чиновника начала XII века из фемы Эллада (со столицей в *Фивах*) по имени Михаил *Месопотамит*.

³¹ Еще одна почти цитата из Прокла (*In Ti.* 2.11.15–16 Diehl).

³² Здесь на полях одной из рукописей и в тексте другой — еще одна вставка с извлечением из «Толкования на пророка Исаию» Василия Кесарийского (1.25 Trevisan): «Марк Василий, прозванный Великим, толкуя на Исаию, на стих *исполнен жертвоприношений ваших* [ср. 1.11], так говорит: „Для демонов, по сластолюбию и страстности их, жертвы несут усладу некую и удовлетворение, когда сжигаются, поскольку при горении кровь испаряется и, утонченная подобным образом, в их собственный состав ими воспринимается. И эти испарения питают их всецело и вполне, хотя и не жуются и не идут через желудок: они — как волосы и ногти и всякое такое у живых существ, кто принимает в сущность целую свою питание. Вот почему они на тук так падки и лакомы до дыма ладана — гонясь за тем, что в пищу им подходит“. Фракиец. Так, может быть, в животных какое-то сродство имеется с особенными свойствами тел демонских?»

³³ Этот род питания отмечает и Порфирий (*Abst.* 2.42): «Это они [демоны]

мы, а словно губки и моллюски, которые, втянув в себя их окружающую влагу и передав ей семенной состав, затем ее наружу снова извергают. Такое происходит не со всеми, но с теми лишь родами демонов, что связаны с материей, и с беспросветными³⁴, и с водяными, а также и с подземными».

«А много ли, Марк, демонов родов?» — снова его спросил я.

«Много, — сказал, — и самых разных обликов, и с разными телами: ими наполнен воздух, что над нами и всюду вокруг нас, наполнены земля и море, и самые глубины бездны».

«Если не трудно, — говорю, — а можно ли их перечислить всех?»

«Конечно, трудно, — отвечал он, — в памяти будить то, что уже отвергнул, но раз ты просишь, отказать негоже».

И с этими словами он в самом деле перечислил мне много демонов родов, прибавив имена их, внешности приметы, а также и места, где каждый обитает.

Т и м о ф е й. И что теперь тебе, Фракиец, для нас по ним пройти мешает?

Ф р а к и е ц. В подробностях, мой драгоценный друг, всё, что мне было сказано в то время, я ни тогда запомнить слово в слово не старался, ни ныне вспомнить не возьмусь. И что за польза мне была бы удерживать в уме их имена, места, где квартирует каждый род, и как себя показывает каждый, и те отличия, какие существуют между ними? Вот я и допустил, чтобы весь этот вздор из памяти моей растекся. Из множества услышанных тогда вещей я сохранил совсем немного, и если всё же хочешь что-либо из этого узнать, ты просто задавай вопросы.

вин возлиянию и туку [Л. 9.500] рады, которыми тучнеет их духовное начало (τὸ πνευματικόν) <и телесное>, ибо оно живет на испарениях и чаде, разнообразно и от разного, и запахом от сжигаемых крови и мяса подкрепляется». Не во всех рукописях после τὸ πνευματικόν добавлено καὶ σωματικόν («и телесное начало»).

³⁴ Передаем так неоплатонический неологизм μισοφάης, от μῖσος 'ненависть; предмет ненависти' и φαίνω 'светить(ся), являть(ся)'; в «Халдейских оракулах» (fr. 134, 181 Des Places) им определяется мир (κόσμος). В «Общем изложении халдейских учений» Пселл пишет: «Они говорят о семи телесных мирах: первый огненный, за ним три эфирных, затем три материальных, последний из которых зовется ими земным (χθόνιος) и беспросветным» (Des Places 1971: 189.1–3).

Тимофей. Ну хорошо. И вот что первым делом мне хотелось бы узнать: сколько всего есть категорий демонов?

Фракиец. Всего есть, по его словам, шесть демонских родов, причем не знаю, как именно он их распределял: возможно, по местам их обитания, или по степени приверженности к телу всей демонской породы, ведь шестерица и тела, и мир определяет — все обстоятельства телесные объемлет, и весь мир выстроен на ней³⁵, или с оглядкой на то, что это первое число, дающее разносторонний треугольник: ведь существа божественной природы и небесной представлены равносторонним треугольником, как в себе равным и устойчивым ко злу, а человеческих изображает равнобедренный, раз человек способен, оступившись где-то, затем через раскаяние вновь стать лучше, и, наконец, разносторонний — демонских существ, в себе неравный и с добром несовместимый вовсе³⁶. Как бы то ни было на самом деле по мнению его, так или иначе, мой собеседник перечислил шесть родов.

³⁵ Прокл считал шестерицу характеристикой души (*In Ti.* 3.95.10 Diehl). Наш автор ближе к «Теологуменам арифметики» Пс.-Ямвлиха, ср. 48.16–25 de Falco-Klein (где объясняется и переход от шестерицы к треугольникам далее в нашем тексте): «она заслуженно зовется 'миром' (εἰρήνη), а много раньше называлась 'космосом', по ее роли в устройении вещей: ведь космос, как и число 6, часто видится составленным из противоположностей, в согласии с гармонией, и имя 'космос' при сложении всех букв дает 600. Ее также зовут 'здоровьем' или 'наковальной', с намеком на несокрушимость, так как разумно полагать, что основные треугольники космических стихий причастны ей, ведь каждый треугольник определяется шестеркой, коль скоро он тремя высотами поделен: тогда всего он делится на шесть частей» (перевод А.И. Щетникова искажает смысл фрагмента, особенно в заключительной части). «Телесное обстоятельство» (περίστασις, у Пс.-Ямвлиха διάστασις, 43.17) — одно из шести направлений или ориентаций тел (вперед, назад, вверх, вниз, влево, вправо).

³⁶ В этих этико-геометрических выкладках «добро» (τὸ ἀγαθόν) и «зло» (ἡ κακία) следует понимать соответственно, то есть с параллельными смыслами «совершенства» (равностороннего треугольника) и «порочности» (разностороннего треугольника). «Равенство в себе» подразумевает изометрию. Треугольника со сторонами в 1, 2 и 3 единицы, дающими в сумме 6, быть не может, и «первое число» треугольника — это 9 (стороны в 2, 3 и 4 единицы). Готье *ad loc.* объясняет соответствие разностороннего треугольника шести родам демонов тем, что он складывается из трех первых (неравных друг другу) чисел: 1 (αἰθήριοι), 2 (ἄεριοι, χθόνιοι), 3 (ὕδραϊοι, ἰλοχθόνιοι, μισοφαεῖς). Подробнее см. Svoboda 1927: 7–9.

Первый на местном варварском наречии зовется *лелиурий* (нечто огнем пронизанное имя означает³⁷), и этот род скитается по воздуху над нами, поскольку до окрестностей луны не допускается всё демонское племя, как всякое нечистое — в священные пределы. Второй по воздуху блуждает, который к нам ближайший, и многие, вполне уместно, зовут его воздушным родом. Третий, идущий следом, — род земной. Четвертый — водный и морской. Пятый — подземный род. И, наконец, последний — род беспросветный и бесчувственный³⁸. Все эти демонов роды, один другого хуже, как говорится, Бога ненавидят и все враждебны людям³⁹. Так, водяной род и подземный, а им под стать и беспросветный, злорадны и губительны донельзя. Они ведь, говорил он, не просто с помощью фантазий или каких-то рассуждений наносят душам вред, но люто на людей бросаются в надежде погубить их подобно самым хищным из зверей. Так, водяные топят тех, кто странствует по водам; подземные и беспросветные в нутро к нам, если им поддаться, проникают и тех, кого им удалось схватить, в падучую и умопомрачение ввергая, удушают. Что до воздушных и земных, они искусно и хитро преследуют умы людей,

³⁷ Λελιούριος — гапакс, толкуемый Гольменом *ad loc.* как сложение еврейских לֵיְלִי ‘nox’ и אֵוֶר ‘ignis’; если быть точнее, לֵיְלִי *lēl* — это *status constructus* от לַיְלִי ‘ночь’, а אֵוֶר *’or* означает, собственно, ‘свет’, и синтагму *lēl ’or* следует переводить как ‘ночь света’ либо ‘ночь-свет’ (см. Svoboda 1927: 9).

³⁸ Τὸ μισοφαῆς καὶ δυσαισθητόν: это род стоит особняком, а «лелиурический» соответствует «эфирному» в аналогичных классификациях, из которых ближе всего Олимпиодоровы (тоже шестеричные): οὐράνιοι, αἰθέριοι ἤτοι πύριοι, ἄεριοι, ἔνυδροι, χθόνιοι, ὑλοταρτάριοι (*In Alc.* 1 19.14–16 Creuzer; речь здесь о «внутримировых богах»); οὐράνιοι, αἰθέριοι, ἄεριοι, ὕδαῖοι, χθόνιοι, ὑλοχθόνιοι (*In Phd.* 189.18 Norvin). И всё-таки основным источником нашего автора исследователи склонны считать не Олимпиодора, но Прокла, а именно его (несохранившиеся) комментарии на «Халдейские оракулы» (ср. Bidez 1928: 223–226; Lewy 2011: 479).

³⁹ Во «Всестороннем учении» (cap. 85, p. 51 Westerink) Пселл говорит, что хотя «наше благочестие» (то есть христианство) объявляет всех демонов злыми, у «эллинов» добрыми считаются следующие их разновидности: эфирные, огненные (ἔμυτροι) и воздушные, а также простые (ἐνοειδεῖς), умные (νοεοί) и душевные (ψυχικοί). В «Толковании халдейских речений» — такое же противопоставление христианского и «халдейского» учений, только уже без перечисления добрых демонов (1048с11–13, Des Places 1971: 185).

стараясь сбить их с толку, и увлекают к странным, противоположным страстям.

«Но как же, — я спросил, — они это осуществляют, как действуют они? У них что, власть над нами есть, чтобы водить нас, как невольников, туда-сюда, куда ни пожелают?»

«Власти над нами у них нет, — Марк отвечал мне, — они воздействуют на нас на припоминание. Наш дух воображения взяв в оборот (ведь сами они — тоже духи), они нас слышать заставляют страстей и наслаждений отзвук — без голоса они, не сотрясая воздух звуком, но вкрадчиво, беззвучно свои доносят речи».

«Но это невозможно, — сказал я, — речи доносить без звука!»

«Не невозможно, — отвечал он, — когда ты вот что примешь во внимание: кто бы ни говорил, если находится вдали, должен до крика голос повышать свой, а если оказался близко, может тому, кто слушает его, вполголоса на ухо нашептать, и, наконец, если вплотную сблизиться удастся с духом души⁴⁰ ему, то вообще без звуков можно обойтись: слово, какое высказать хотелось, до получателя дойдет тропой беззвучной. Подобное имеет место, говорят, и с душами, исшедшими из тел: так же безмолвно и они общаются друг с другом. Таким же образом и демоны исподтишка в общение вступают с нами, а мы даже понять не в силах, откуда нанесут по нам удар. Не нужно недоумевать на этот счет — ты просто посмотри, что происходит в воздухе, когда его проникнет солнца луч: в нем раскрываются цвета и формы, передаваемые дальше тем вещам, которые их воспринять способны по природе, как это можно видеть в зеркалах и стеклах. Вот и тела у демонов способны принимать благодаря воображению, которое есть сущность их, любые формы и цвета и облики, какие пожелаю, их переносят в наш душевный дух, чем много нам тревог приносят: внушают нам желанья, показывают формы, воспоминания о наслаждениях картинами любовной страсти растравляют нам —

⁴⁰ Τὸ πνεῦμα τῆς ψυχῆς (далее также τὸ ψυχικὸν πνεῦμα): это причудливо для нас звучащее выражение восходит к Проклу (*In Ti.* 1.112.12, 3.282.22 Diehl). Bidez 1928: 97 поясняет, что речь идет о «невидимом жизненном носителе — или душе, — служащем органом воображения и чувственного восприятия».

так донимают нас всё время, во сне и наяву; порою даже, раздражив щекоткою в паху, нас распяляют сладострастием неистовым и ненормальным, особенно когда им в помощь кипение горячих жидкостей внутри нас. Вот так, покрыв себя шлемом Аида⁴¹, они искусно и донельзя ловко тревожат и смущают наши души. У демонов иных родов ни мудрости, ни знаний нет, да и ловчить они не мастера, однако все докучливы и страшно безобразны, и вредоносны, как Харонов дух⁴². Как этот убивает всё, чего только коснется, — четвероногих ли, людей, пернатых, — и этих демонов отвратная орава таким же образом жестоко разрушает тех, в кого им удалось внедриться: до основания они им сотрясают души и тела, и их природою дарованные свойства извращают; случается, что даже смертью губят — в огне, воде, на крутизне — не только человека, но также и животных бессловесных».

«И почему это им в голову взбредает, — спросил я, — нападать и на животных неразумных? Конечно, и согласно священному Писанию подобное произошло со свиньями в Гергесе⁴³. Понятно, что они враждебны людям, и потому им, разумеется, вредят, однако какой смысл им нападать и на бессмысленных животных?»

«Конечно, не из ненависти к ним — мне отвечал Марк, — и не из желания им навредить бросаются они на тех или иных животных, но в поисках животного тепла. Они ведь обитают все в глубинах преисподних, холодных и сухих донельзя, и, крайним холодом, царящим там, продрогшие насквозь, иссохнув и окоченев вконец, они и жаждут так животного и влажного тепла, и чтобы насладиться им, они и на бессмысленных животных нападают, и норовят забиться в бани и подвалы. Тепла огня и солнца, напротив, избегают — оно и жжет, и сушит, — а к мягкому животному теплу, приправленному влажностью приятной, пристрастие пи-

⁴¹ То есть шапкой-невидимкой, см. Ном. II, 5.845.

⁴² Ср. у Ямвлиха (*Must.* 4.1): «так называемые Хароновы пещеры (τὰ Χαρῶνεια) испускают дух, способный убить без разбору всё, что туда упадет».

⁴³ Ср. рассказ о том, как Иисус выгнал бесов из одержимых и послал их по их просьбе в стадо свиней (*Мф.* 8:28–32, *Мк.* 8:1–13, *Лк.* 8:26–33). Место, где это произошло, называется в текстах по-разному: Γεργυσά, Γεράσσα, Γάδαρα.

тают, и к человеческому — главным образом, которое всего умеренней. Они устраивают в тех, в кого внедрили, кутерьму и давку: перекрывают все каналы, где дух души укоренен, теснят его и с места выгнetaют толпою тел своих. Как следствие, тела трясет, их оставляют правящие силы, движения становятся дурны и дерганы, выходят невпопад. Когда подземный демон нападает, он потрясает и лишает одержимого его природных свойств, и выражается через него, используя дух жертвы как собственный свой орган. Когда тайком закрался в жертву кто-нибудь из тех, что беспросветными зовутся, он вызывает расслабление и голос отнимает, и в целом делает того, кого он захватил, на мертвого похожим. Этот род демонов, последним выступая в их ряду, к земле ближе других, предельно холоден и сух, у всякого, в кого один из них вселится тайно, он всю силу души сводит на нет и притупляет. Он бестолков, соображения ума лишен всецело, противным разуму воображением ведом, как самые бессмысленные звери, так что не слушает увещаний и не страшится наказаний, и многие поэтому заслуженно зовут его глухонемым. А те, кто одержим одним из них, не могут от него избавиться никак иначе, как лишь божественною силой, приобретаемой молитвой и постом⁴⁴».

«Однако, Марк, — я возразил, — врачи нас учат думать по-другому и говорят, что беды эти — не от демонов, а от нарушенного строя гуморов, влажности-сухости и духов жизненных. И потому, естественно, они пытаются их исцелять не заклинаниями демонов и их изгнанием, а с помощью лекарств и назначений».

«Неудивительно, — ответил Марк, — что так и будут говорить врачи: им неизвестно ничего, кроме того лишь, что доступно чувствам, и смотрят только на тела они. Конечно, может быть уместно думать, что от расстройства гуморов случаются такие вещи, как летаргия, кома, меланхолия и бред, которые пресечь возможно с помощью водных процедур, слабительного, мазей. При сумасшествиях, однако, и маниах, и одержимостях — во всех тех случаях, когда захваченный перестает распоряжаться своим умом и ра-

⁴⁴ Ср. слова Иисуса ученикам о такого рода «духе немом и глухом»: «И скал им: сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста» (Мк. 9:26, 29).

зумом, воображением и чувствами своими, когда он движим и ведом кем-то другим, кто также говорит через него что-то, о чем не знает одержимый, и предвещает что-то там из дел грядущих, — как в таких случаях возможно говорить лишь о расстроенных движениях материи?»

Тимофей. Так что, Фракиец, значит, с тем, что говорит Марк, ты согласен?

Фракиец. Конечно, Тимофей, вполне — как может быть иначе? Я-то ведь помню и рассказы божественных Евангелий об одержимых силою нечистой, и то, что по приказу Павла случилось с мужем из Коринфа⁴⁵, и много сообщений удивительных святых отцов об этом, а сверх того — и то, что самому мне лично пришлось увидеть и услышать в Эласоне⁴⁶.

Здесь некий муж имел обыкновение о самом разном прорицать, словно оракул Фебов, под действием неведомо какого демона, и на мой счет он также предсказал немало. Как-то, собравши у себя толпу из посвященных, он обратился к ним и так сказал: «Знайте, собравшиеся здесь, что к нам направлен человек, которым вера наша преследоваться станет, и подпадут гонению обряды наши. Он схватит и меня, и множество других; потом, однако, после многих испытаний, когда захочет он в Византий меня в оковах отвести, он этого не сможет сделать, как бы ни стал стараться». Вот так он предсказал — а я в то время еще и за предместья не успел Византия проехать. Он описал мой облик, верхнюю одежду, даже мой образ жизни и привычки. Мне много кто из тех, кто там бывал, рассказывал про это. Позже, когда он был уже задержан мною, я и спроси его, откуда же обрел он такую силу предсказания. Он поначалу не хотел секрет свой раскрывать, но, принуждение лаконское изведав⁴⁷, сказал-таки затем всю правду:

⁴⁵ Ср. рассказ о блудившим с женою своего отца коринфянине, которого апостол Павел велит «предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор. 5:5).

⁴⁶ Город в северной Фессалии, древний Олооссон; в одной из рукописей — Χερσῶνι «в Херсоне» вместо Ἐλασσῶνι.

⁴⁷ То есть подвергшись пытке в ходе судебного расследования.

«В дела, которые по части демонов, я был одним бродягою ливийским посвящен⁴⁸: ночной порой меня отвел он на гору и там велел отведать некую траву; потом, мне плюнув в рот и мазями какими-то глаза мне натерев, он сделал так, что я увидеть смог перед собою демонов толпу, и я почувствовал, что кто-то, будто ворон, от них перелетел ко мне и прямо в рот нырнул. С тех пор и по сей день ко мне, случается, приходит это: я начинаю прорицать — о тех вещах и в те моменты, как тот, кто мною движет, пожелает. В Страстную, например, неделю и в самый чтимый вами Воскресенья день он ничего мне навевать не хочет, какие бы усилия я сам ни прилагал». Таким было его признание. Когда же кто-то из меня сопровождавших его ударил по щеке, он так ему сказал: «Спустя недолго за один удар получишь ты сторицей. Ну а тебя, — оборотясь ко мне, продолжил, — великие несчастья затронут напрямую: ведь демоны в ужасном гневе на тебя за то, что им служение разрушил; они, конечно, увлекут тебя к мучительным и тяжким испытаниям, откуда ты не сможешь выпутаться сам, разве что вызовет тебя иная сила, сильнее, чем демонов».

Вот что мне эта нечисть навещала — словно с треножника пророчества бросая. Но всё так и случилось, так и вышло, и я чуть было не погиб, столкнувшись с множеством напастей, однако вырвался-таки из них, невероятным образом, Спасителя заботой. Кто сам стал очевидцем пророчества такого, при подыгрыше демонов, кобылкой струны рвущих, разве тот скажет, что все мании — просто материи движения, пришедшие в расстройство, а не от демонов трагические страсти?

Т и м о ф е й. Неудивительно, Фракиец, если врачи такого мнения: сколько из них, на самом деле, смогли бы разглядеть другое? Я ведь и сам сперва был склонен думать так, пока мне не случилось повидать нечто совсем чудовищное и необычайное, о чем

⁴⁸ Как замечает Готье *ad loc.*, под «ливийским бродягой» (ἀλήτης Λίβυς) мог скрываться Апулей Ливиец — не исторический платоник, африканский бербер по происхождению, но герой «халдейской» мифологии, могущественный маг, соперник Юлиана Халдея, предполагаемого автора «Оракулов»; вместе они упоминаются Пселлом в *Ep.* 102 Kurtz-Drexl (см. также Lewy 2011: 287, n. 109).

теперь тебе, я думаю, уместно будет рассказать. Поверь, едва ли я, уже в летах и в это рубище одетый⁴⁹, солгать способен.

Так вот, был у меня брат старший, а у него жена, вполне себе благоразумная особа, да только родами тяжелыми страдала и вечно мучилась от хворей самых разных. И вот однажды, когда снова она от родов разрешалась, ей сделалось настолько худо, что она попросту ума решилась, и разорвала на себе рубашку, и завопила в голос страшно на варварском каком-то языке, которого никто из находившихся при ней не понимал. Все совершенно растерялись и не знали, что сделать можно, как помочь с такой неопишущей напастью. Нашлись, однако, женщины — ведь женский пол находчив и особенно умел при всяких чрезвычайных случаях, — которые к ней чужеземца привели, с залысиной на лбу и очень старого, с морщинистой кожей и смуглого до черноты. Меч обнажив, он подошел вплотную к ложу и, на недужную взъярившись, на своем местном языке — а был он родом армянин — стал бранью осыпать ее. Она же ему тоже отвечала на том же самом языке. Сперва она звучала дерзко и препиралась, вскакивая с ложа, но после, когда варвар свои заклятия на ней исполнил и, будто в бешенство придя, прибить ее грозился, бабенка оробела, сникла и, тихо всхлипнув, погрузилась в сон. Мы были все поражены — не беснованию ее (такое, видели мы, всюду происходит), но именно тому, что женщина заговорила по-армянски, при том что никаких армян до той поры в глаза-то не видала и, в общем, ничего не знала, кроме покоя женского и ткацкого станка. Когда она пришла в себя, я у нее спросил, что с нею было и было ли вслед за случившимся какое продолжение. Она сказала — демон ей привиделся подобный тени, на женщину похожий, с растрепанными ветром волосами, и на нее набросился, она же в страхе на кровать упала; а было ли что после этого, она и не почувствовала вовсе.

Вот что она сказала мне и вот как от недуга отошла. Что до меня, с тех пор сомнение меня не отпускает и я всё время задаюсь вопросами: как это демон, мучивший ту женщину, сам в женском

⁴⁹ «Рубище» (τριβώνιον) — плащ-накидка древних философов, но также монашеское облачение, откуда следует, что Тимофей мог быть монахом.

облике являться мог (проблема в том, действительно ли демоны одни мужского пола, а другие женского, так же как земнородные и смертные животные); а во-вторых — как это он использовал язык армян (здесь тоже затруднение немалое: действительно ли демоны одни употребляют греческий язык, какие-то халдейский, а прочие еще персидский или же сирийский); и, наконец, — как это демона могли смирить угрозы колдуна и испугать его меч обнаженный? Какой вред может от меча быть демону, если его нельзя ни уничтожить, ни порезать? Вот что меня так волновало и смущало до сих пор: мне надо успокоиться на этот счет, и, думается мне, ты как никто способен содействовать мне в этом — ведь ты столько учений древних изучил, столько исследовал историй!

Ф р а к и е ц. Я бы ответил на твои вопросы, Тимофей, только боюсь, как бы обоим нам бестактными не показаться: тебе — за то, что хочешь выпытать такое, чего пока еще никто не прояснял, мне — за попытку рассказать о том, что лучше было бы мне обойти молчанием, а я-то знаю, как такие вещи могут быть многими превратно истолкованы. А впрочем, раз, по слову Антигона⁵⁰, друзьям пристало доверять не только самые пустячные дела, но и обременительные тоже иногда, я постараюсь разрешить твою проблему, из сообщений Марка исходя и попытавшись разжевать их досконально.

Он говорил, что демонский род по природе не может быть мужским по полу или женским, поскольку это признаки сложных существ, тела же демонов просты. Однако, будучи податливы и гибки, они прекрасно могут принимать любые формы. Как облака, мы можем это видеть, принимают, бывает, облики людей, медведей и драконов или чего еще, так же и демонов тела. Но если облака приобретают множество различных форм под действием ветров, на них влияющих извне, то демоны своим телам изменчивым по собственному выбору вид придают, какой ни пожелают: могут в объеме сильно сократиться, но могут также вытянуться в полную длину, как, видим мы, бывает с червями зем-

⁵⁰ По-видимому, речь об Антигоне I Одноглазом (382–301), соратнике Александра Великого, либо об Антигоне II Гонате (283–239), ученике стоика Зенона.

ляными за счет того, что всё их существо податливо и мягко. Не только их размер может переменяться, но также вид и цвет, по всякому многообразно — тело у демонов способно и на то, и на другое: оно пластично и поэтому может принять какой угодно вид и облик, а будучи воздушным, может, как воздух, отливать самыми разными цветами. Но если воздух принимает тот или иной окрас под действием какой-то внешней силы, на тело демонов воздействует лишь их воображение, которое и подбирает телу различные оттенки и цвета. К примеру, если испугались мы, нам бледность щеки покрывает, или румянец, если застыдились: так, приходя в то или иное состояние, наша душа на теле отражает эти страсти⁵¹; по той же схеме надо понимать и то, как обстоят у демонов дела, поскольку они тоже изнутри себя различные оттенки и цвета выводят на свои тела. Итак, каждый из них, оттиснувши по избранной им форме тело и цветом тем или иным запечатлев поверхность тела, бывает, предстает мужчиной, а то и женский принимает облик, то львом грозитя, прыгает пантерой, кидается как дикий вепрь. Если покажется уместным, он обернется даже бурдюком, а то и маленькой визгливою собачкой. Все эти облики меняются всё время, а постоянного нет у него ни одного: ведь демонское тело не настолько плотно, чтобы удерживать воспринятые формы. Обычно так бывает с воздухом или водою: краску в нее нальешь или напишешь что-то, и тотчас всё исчезнет, растворится; такое же у демонов мы можем видеть: и цвет, и вид, и облик существа любого сползает с них, как не бывало.

Вот, Тимофей, что — убедительно, по-моему, — мне Марк растолковал. Так что пускай теперь тебя не беспокоит вопрос о том, как могут демоны по половому признаку делиться на мужских и женских. Всё это только видимость у них, и ни один из признаков не стоек и им по существу не свойствен. Поэтому, когда тот демон, что донимал роженицу, под видом женщины явился, то

⁵¹ Ср. *Ном. II*. 3.35: «бледность его покрывает ланиты» (пер. Н.И. Гнедича). Это сравнение автор мог почерпнуть из Прокла (*In Ti.* 1.395.22–29 Diehl), где источником бледности и румянца тоже названо воображение (*τὸ φάντασμα* у Прокла против *ἡ φανταστικῆ ἐνεργεία* у нашего автора).

было не присущее ему как таковому коренное свойство, а только облик женский, который он напялил на себя⁵².

Тимофей. Но почему, Фракиец, этот демон не переходит из одной формы в другую, но всегда именно в этой предстает? Мне ведь от многих слышать приходилось, что всем роженицам является он в женском виде.

Фракиец. И этого причину, Тимофей, мне разъяснил вполне правдоподобно Марк. Он говорил, что демоны не все наделены равными силою и волей, что в этом отношении меж ними тоже есть большая разница: ведь неразумие присутствует и в них⁵³, как есть оно в животных — смертных, сложных. Среди последних человек, умственной силой и рассудком наделенный, вдобавок более чем всеохватным воображением владеет, которое, пожалуй, до всего воспринимаемого чувствами способно дотянуться: всего, что только есть по небесам, вокруг земли и на земле. Воображение коня или быка и им подобных ограниченной и действует лишь в частных направлениях — давая им возможность узнавать товарищей, с которыми пасутся, стойло с кормушкой и своих хозяев. У комаров, мух и червей воображение так недоразвито и сжато, что все они не представляют даже, откуда вылезли на свет, где держат путь сейчас и куда следует направиться в дальнейшем: у каждого из них одна фантазия лишь — пища. Так же у демонских многообразившихся племен⁵⁴. Из них у огнепылких

⁵² Здесь подчеркивается, что половое различие у демонов — только видимость (μέχρι τοῦ φαίνεσθαι), а не их коренное свойство, устойчивое состояние (μόνιμον δὲ καὶ καθ' ἑξῆς). С другой стороны, в «Общем очерке халдейских учений» (Des Places 1971: 200.24–29) Пселл при описании дурного рода демонов, «зверобитных и бесстыдных» (θηροπόλων καὶ ἀναίδες, fr. 89 «Оракулов»), говорит о том, что они «носятся по полости [в недрах земли], расколоты на пол мужской и женский» (ἐν τῷ κοιλώματι φέρεται εἰς ἄρρεν καὶ θῆλυ διηρημένον).

⁵³ «Неразумных» (ἄλογοι) демонов особо выделяет Прокл (*In Ti.* 3.157.27 Diehl), а из поздних — Михаил Глика (204.11–13 Bekker, со ссылкой на Порфирия и Ямвлиха). Имеется в виду «алогичное» воображение. Ср. также Псевдо-Пселлову компиляцию «Какие мнения о демонах у эллинов» (Гараджа 2024: 336–337).

⁵⁴ Отсюда fr. 93 «Халдейских оракулов»: τὰ τῶν δαιμόνων πολυχέιμονα φῶλα. Сидаш 2014: 325 переводит πολυχέιμονα как «злосчастные»: будто бы «контекст у Пселла» (?) дает это переносное значение при буквальном «многоструйные».

и воздушных фантазия богата, многогранна, и превращаться могут в облики любые, какие лишь себе вообразят. От них отличен в корне беспросветный род: воображение у этих чрезвычайно узко, так что немного принимают форм, за неимением и представимых образов на выбор, и легких на подъем и перемену тел. Демоны водные и демоны земные — они между означенными выше средние⁵⁵ — могут во множество переменяться форм, но вообще обычно остаются в той, какая им понравилась однажды. Те, кто во влажных средах обитает или изнеженную жизнь предпочитает, себе подобие птиц или женщин придают. Поэтому у эллинов им женские даются имена — как, например, наяды, nereиды и дриады. А кто в засушливых местах живет, с сухими телесами — их «ослоногими» еще зовут, — те принимают, превращаясь, обличия мужчин⁵⁵, но также псов, львов и других животных, в которых мужественный нрав силен. Так что понять нетрудно, что тот демон, который на рожениц нападает, в женском обличии себя являет: он похотлив и жидкостям нечистым рад — и принимает облик, подходящий к жизни, которая ему по нраву.

А почему тот демон по-армянски говорил, Марк ничего не объяснил — я и не спрашивал об этом. По-моему, здесь всё и так понятно: ведь собственный язык у демонов не обнаружить, пусть даже кто-то по-еврейски говорит, по-гречески ли, по-сирийски, или на варварском каком-либо еще наречии. К чему тем, кто общается без слов (об этом говорилось мною раньше), какое бы то ни было

⁵⁵ «Средние» или «срединные» (μέσοι) божества традиционно связывались с воздушной и земной стихиями (ср. Гараджа 2024: 338–339). Никифор Григора в «Схолиях к Синезию» (PG 149.543a) отмечает, что магия есть дело именно этих средних демонов (между «материальными» и «нематериальными»).

⁵⁵ Здесь ὀνόσκελεῖς ‘ослоногие’ связываются с «мужественными» демонами, но как правило Ὀνόσκελεῖς считалось другим именем Эмпусы, оборотня в женском обличии, о котором узнаем из Аристофана (*Ra.* 293) и схолий к этому месту (прежде всего Иоанна Цеца); в догреческом Ἔμλουσα слух грека выхватывал ποῦς ‘нога’. Евстафий Фессалоникийский пишет (*In Od.* 1.442.33–34 Stallbaum): «Эмпуса — демонический призрак (φάσμα), насылаемый Гекатой, которого кто-то называет Ὀνόκωλις, кто-то — Ὀνόσκελις». Упоминания об «ослоногих» у греческих авторов приводит Svoboda 1927: 24, п. 1. Важное место демоница Оноскелида занимает в апокрифическом «Завещании Соломона» (4.1–12 McCown).

наречие? Но дело в том, что, так же как и ангелы, стоя над разными народами, какие-то одних ведут, какие-то других, и демоны, засев среди народов, каждый к особому приучен языку, так что одни у эллинов оракулы гексаметром вещали, другие у халдеев вызывались на языке халдейском, третьи у египтян содействие готовы были оказать, когда египетские слышали слова⁵⁶; вот так же демоны, живущие среди армян, если в другой стране случится оказаться, используют по-прежнему армянский, который стал для них естественным, своим.

Т и м о ф е й. Пусть так, Фракиец, но откуда их страх перед угрозами, перед мечом? Что тут такого убеждает их угомониться и убраться?

Ф р а к и е ц. Не ты один, о Тимофей, на это затрудняешься ответить — я сам когда-то с Марком так же недоумевал, и он сомнения мои развеял, сказав, что демонские племена все наглости и трусости полны, особенно же те, что материальны. Воздушные, однако, кому большая пронизательность присуща, если им угрожает кто-то, способны этого кого-то оценить, и тех, кого своим присутствием изводят, тогда лишь оставляют, если тот человек пред Богом чист и в трепет повергающее имя Бога-Слова произносит, божественной исполненное силой. Но демоны материальные, боясь отсылки в бездны и подземные места, а вместе ангелов, что гонят их туда, если кто угрожает им в эти места изгнанием и призывает ангелов, ответственных за это, конечно устрашаются и в сильное смятение приходят⁵⁷. По глупости своей они даже не могут тех,

⁵⁶ В тексте термины теургии κλήσις ‘вызывание, инвокация’ и *παρεδρία* ‘содействие’ (ср. Lewy 2011: 229), и последний обыгрывается с «засевшими» (σπιτταρεδρεῦουσιν) среди народов демонами — против «стоящих над» (προεστήκασιν) ними ангелов. Об ангелах — покровителях народов ср. Iamb. *Myst.* 5.25.

⁵⁷ Ср. Iamb. *Myst.* 6.5 «об угрозах насилия... роду мировых сил, который дробен и лишен суждения и рассудка, который получает извне свой принцип и повинуется ему, не обладая собственным мышлением и не различая истину и ложь, возможное и невозможное. Когда произносятся все вместе эти угрозы, этот род мировых сил приходит в движение и устрашается, поскольку, как я полагаю, он по своей природе руководствуется видимостью и увлекает прочих устранным и неустойчивым воображением» (пер. И.Ю. Мельниковой).

кто угрожает им, разумно оценить. Пускай какая-то старуха или надменный старикашка угрозы эти сыплет наобум, их всё равно охватывает страх и зачастую заставляет их убраться из-за уверенности в том, что те, кто им грозит, эти угрозы в жизнь способны претворить. Настолько неразборчивы они и робки. Поэтому и племя колдунов нечистое с такою легкостью их подчиняет своей воле при помощи различных выделений — слюны, ногтей, волос — и заставляют их, свинцом связавши, воском, тонкой нитью, под действием преступных заклинаний ужасные дела творить⁵⁸.

«Но почему, — спросил я, — таких существ ты сам, так же как многие другие, чтить, тогда как нужно было бы их презирать за слабость?»

«Ни я, — ответил Марк, — ни кто-либо другой, я полагаю, хотя бы только среднего ума, проклятым этим не привержен: их привечают в основном лишь колдуны и нечестивцы. У нас же те, кто сторонился деяний нечестивых, воздушных демонов по большей части чтит, и через жертвы мы их умоляли подземного иного отворотить. Случись же таковому проскользнуть, и ужас навести на нас, он и камнями начинал бросаться, ведь у подземных демонов такое свойство — всю забрасывать тех, кто им попадет, хотя бы и бессильными бросками⁵⁹. Поэтому мы и старались с ними не встречаться».

«Но что за пользу, — я спросил, — из почитания воздушных демонов вы извлекали?»

«Да никакой, — он отвечал, — мой благородный друг, ведь всё у них — одно бахвальство, дым, обман, воображение пустое. Тем, кто им поклоняется, являются от них лучи огня, вроде хвостов от падающих звезд, которые у этих одержимых воспринимаются под именем теоптий, хотя ни истинного нет в них ничего, ни стойкого, ни прочного нисколько — разве есть что-то светлое у помраченных демонов? Но всё это — лишь игры, созданные ими,

⁵⁸ Речь идет об изготовлении магических фигурок, ср. Svoboda 1927: 42–43.

⁵⁹ Ср. рассказ Анны Комниной (*Alex.* 15.8.7) о том, как невидимые демоны забросали камнями ересиарха богомилов Василия, негодуя на то, что тот раскрыл императору их тайное учение.

вроде иллюзий зрения или уловок, которые творят ради обмана зрителей так называемые чудотворцы⁶⁰. А я, несчастный, хоть уже давно, это служение в обмане уличив, старался отстраниться от него, вплоть до сегодня всё-таки, как околдован, был не в силах, так что меня погибель верная ждала, когда бы на путь истины меня ты не вернул, будто огонь сигнальный вспыхнув над покрытым мраком морем».

Сказав это, Марк щеки оросил слезами, а я, чтобы его ободрить, так сказал: «Конечно, ты и дальше можешь сокрушаться, но ныне самая пора отпраздновать спасение свое и Бога возблагодарить за то, что от погибели избавлены через него твои душа и ум. Но ты мне всё-таки скажи — мне это хочется узнать, — могут ли демонов тела воспринимать удары?»

«Да, могут, — отвечал мне Марк, — даже испытывают боль, если по туше им ударить чем-то плотным».

«Но как же так, — я говорю, — ведь это духи: ни плотными, ни сложными не могут быть, а ощущение есть свойство сложных».

А Марк в ответ: «Дивлюсь я, как это не понимаешь ты, что ощущение — не мышцы и не жилы, но дух, который пребывает в них⁶¹. Поэтому, если сжать жилу или охладить или еще как-то ее страдать заставить, боль посылается от духа к духу. И сложное создание боли почувствовать само собой не может, но лишь такое, что причастно духу: ведь, будучи параличом разбито или омертвев, оно чувствительность теряет, поскольку дух оторван от него. Дух демонский чувствителен весь по природе и непосредственно всеми частями своими видит, слышит, осязает касания любые, и если его ранить, так же, как плотные тела, испытывает боль⁶¹. От них его отличие — в том, что тела другие только с тру-

⁶⁰ О «пустозвонстве» (περιαυτολογία, букв. 'о-себе-самом-говoreние') демонов ср. Iamb. Myst. 2.10. «Теоптия» (θεοπτία) — букв. 'боговидение'.

⁶¹ Ср. прим. 40.

⁶¹ Ср. у Никифора Григоры в «Схолиях к Синесию» (PG 149.618a): «поскольку это живые духи и обладают плотностью (πάχος), они и сами боятся ран и порезов и испытывают боль, если их ударить или уколоть. Вот и у людей, когда их бьют и причиняют им боль, не плоть испытывает муку, но живой дух».

дом могут оправиться от ран, если вообще способны исцелиться, а у него, если его поранить, всё тотчас же срастается опять, точно частицы воздуха или воды, разъятые на миг каким-то плотным телом. Но пусть дух и срастается быстрее слова, он всё-таки страдает в тот момент, когда наносят рану. Вот почему они боятся острия железного орудия любого, и это их пугает⁶². Об этом зная, те, кто искушен в делах апотропейных, втыкают иглы и ножи туда, куда не склонны демонам приблизиться позволить, и вообще используют всё неприятное им, чтобы отвратить, приятное — чтобы привлечь их.

Вот что — по-моему, правдоподобно — мне Марк растолковал на этот счет».

Т и м о ф е й. А он не рассказал тебе, Фракиец, присуще ли предведение демонскому роду?

Ф р а к и е ц. Сказал, что, может быть, и свойственно предведение демонам, но не на знании причин и не на выводах ума, не на науке строится, а лишь на символах и знаках — и потому так часто мимо цели бьет, — и что материальные особенно предведением слабы, при том что правды либо вовсе от них нельзя услышать, либо в ничтожно малой мере⁶³.

Т и м о ф е й. Не можешь ли подробнее рассказать о том, какое же у них предведение есть?

Ф р а к и е ц. Я рассказал бы, только недосуг — пора уж расхо-

⁶² Еще одна перекличка со «Схолиями к Синесию» Никифора Григоры (PG 149.618a): «вот почему они [заклинатели демонов] вынуждены держать в руках меч: чтобы испугать демонов и не позволить им подойти близко — чтобы те издали отвечали на их вопросы».

⁶³ Ср. в «Толкованиях халдейских речений» Пселла: «Материальные демоны... поставленные далеко от божественной жизни и обойденные умозрением (νοεῖρας θεωρίας), предугадывать будущее не могут» (1040c3–7, Des Places 1971: 177); «приземленные демоны лживы по природе, ибо далеки от божественного знания и полны темной материи (ἀφεγγεῖς ὕλης)» (1048c1–3, Des Places 1971: 184). Никифор Григора в «Схолиях к Синесию» (PG 149.599b) явно черпает из того же источника: «Те, кто скитается по земле и в водах, как говорят, по природе лживы, будучи далеки от божественного знания и полны темной материи, воздушные же правдивы, ибо далеки от земли, близки к божественному знанию».

даться по домам: смотри, какие вон набухли тучи, еще немного — и полет. А мы сидим здесь под открытым небом, рискуя все насквозь промокнуть!

Тимофей. Что же ты делаешь, дружище, вот так рассказ свой обрывая на самом интересном месте!

Фракиец. Не огорчайся, драгоценный друг! Если, Бог даст, потом еще сойдемся, то я уж постараюсь всё, чего рассказ мой мог недосчитаться, сверх всяких сиракузских десятин восполнить⁶⁴.

⁶⁴ Ὑλὲρ τὰς Συρακουσίων δεκάτας; о вошедшем в поговорку богатстве сиракузян, постановивших отдавать десятую часть своих состояний на восстановление храмов, приношения богам и священные посольства, пишет Демон Афинский (FGrH 237 F 14 = *App. Prov.* 4.88). У Страбона читаем (6.2.4): «Сиракузы достигли такого богатства, что имя жителей города вошло в поговорку: чрезмерно расточительным людям говорили, что им и десятины сиракузян не достанет [с конъектурой ἐξικνοῖτο для рукописного ἐκυένοιτο]» — в смысле промотают и ее (ср. также не слишком здесь удачный перевод Г.А. Стратановского).

Литература

- Гараджа, А.В., пер. (2020), “Епифаний Кипрский. *Панарион* 1.2.25–26”, *Платоновские исследования* 12.1: 299–349.
- Гараджа, А.В., пер. (2023), “Халкидий о демонах: фрагменты «Комментария на *Тимей* Платона» (перевод и комментарии)”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 17.2: 1109–1121.
- Гараджа, А.В., пер. (2024), “«Какие мнения о демонах у эллинов» Михаила Пселла (текст, перевод и комментарии)”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 18.1: 333–346.
- Гурьянов, И.Г. (2017), “Понимание материальности и телесности в антропологии Марсилио Фичино”, *Платоновские исследования* 7.2: 157–187.
- Сидаш, Т.Г., пер. (2014), “Халдейские оракулы”, in Id., *Синезий Киренский, митрополит Птолемаиды и Пентаполя. Полное собрание творений*, 2.301–344. СПб.: «Квадривиум».
- Alieva, O. (2024), “A New Quantitative Model of the Platonic Corpus 1: *Pseudoplatonica*: Questions of Provenance and Dating”, *Platonic Investigations* 20.1: 9–39. (In Russian.)
- Alieva, O. (2020), “Theology as Christian *epopteia* in Basil of Caesarea”, *Journal of Early Christian Studies* 28.3: 373–394.
- Angold, M. (1995), *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261*. Cambridge University Press.
- Bidez, J., ed. (1928), *Michel Psellus. Épitre sur la Chrysopée. Opuscules et extraits sur l'alchimie, la météorologie et la démonologie (Catalogue des manuscrits alchimiques grecs 6)*. Bruxelles: Maurice Lamertin.
- Boissonade, J.F., ed. (1838), *Michael Psellus. De operatione daemonum. Accedunt inedita opuscula*. Norimbergae: apud Fr. Nap. Campe.
- Collisson, M., tr. (1843), *Psellus' Dialogue on the Operation of Daemons*. Sydney: Published by J. Tegg, and printed by D.L. Welch.
- Des Places, É., ed. (1966), *Jamblique. Les Mystères d'Égypte*. Paris: Les Belles Lettres.
- Des Places, É., ed. (1971), *Oracles chaldaïques. Avec un choix de commentaires anciens: Psellus, Proclus, Michel Italicus*. Paris: Les Belles Lettres.
- Duffy, J.M., ed. (1992), *Michaelis Pselli philosophica minora*. Vol. 1: *Opuscula logica, physica, allegorica, alia*. Stutgardiae et Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Ficker, G. (1908), *Die Phundagiagiten. Ein Beitrag zur Ketzergeschichte des byzantinischen Mittelalters*. Leipzig: J.A. Barth.

- Garadja, A., tr. (2020), “Epiphanius of Salamis. *Panarion* 1.2.25–26”, *Platonic Investigations* 12.1: 299–349. (In Russian.)
- Garadja, A., tr. (2023), “Calcidius on Demons: Fragments of the *Commentarius on Plato’s Timaeus* (A Translation and Notes)”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 17.2 (2023): 1109–1121. (In Russian.)
- Garadja, A., tr. (2024), “Michael Psellus’ *What are the Hellenes’ Opinions of Demons* (Text, Translation, and Notes)”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 18.1: 333–346. (In Russian.)
- Gaulmin, G., ed. (1615), *Michaelis Pselli De operatione daemonum Dialogus. Lutetiae Parisiorum: Sumptibus Hieronymi Drovart.*
- Gautier, P., ed. (1980), “Le *De daemonibus*”, *Revue des études byzantines* 38: 105–194.
- Gautier, P., ed. (1988), “Pseudo-Psellos: *Graecorum opiniones de daemonibus*”, *Revue des études byzantines* 46: 85–107.
- Guryanov, I. (2017), “Materiality and Corporality in Marsilio Ficino’s Anthropology”, *Platonic Investigations* 7.2: 157–187. (In Russian.)
- Hunger, H. (1978), *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. 2 Bde. München: C.H. Beck’sche Verlagsbuchhandlung.
- Lewy, H. (2011), *Chaldaean Oracles and Theurgy. Troisième édition par Michel Tardieu avec un supplément*. Paris: Institut d’Études Augustiniennes.
- Littlewood, A.R., ed. (1985), *Michaelis Pselli Oratoria minora*. Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft.
- O’Meara, D.J., ed. (1989), *Michaelis Pselli philosophica minora*. Vol. 2: *Opuscula psychologica, theologica, daemonologica*. Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft.
- Seng, H. (2016), *Un livre sacré de l’Antiquité tardive: Les Oracles Chaldaïques*. Turnhout: Brepols.
- Svoboda, K. (1927), *La Démonologie de Michel Psellos*. Brno: Vydává Filosofická fakulta.